

О ВЛИЯНИИ ФИЛОСОФИИ КАНТА НА РУССКИЙ ПОЗИТИВИЗМ

Определяя суть кантианской философии как попытку примирения материализма и идеализма, В. И. Ленин указывал на особенности критики Канта как со стороны материализма, так и идеализма. Если материалисты, писал Ленин, доказывали, что «вещь в себе» объективно реальна, вполне познаваема, посюсторонняя, ничем принципиально не отличается от явления»¹, то идеалисты, критикуя Канта справа, наоборот, выпячивали на первый план его агностицизм, упрекали философа за признание им объективности «вещи в себе». Канта перестолковывали в духе последовательного субъективного идеализма и именно таким образом понятое кантианство стало одной из теоретических предпосылок позитивизма. Указывая на этот факт, В. И. Ленин приводит следующее признание Маха: «С величайшей благодарностью я должен признать, что именно его (Канта) критический идеализм был исходным пунктом моего критического мышления»².

Видный русский историк и социолог-позитивист конца XIX—начала XX века Н. И. Кареев, выделяя основные принципы, которые, по его мнению, лежат в самой основе позитивизма, на первое место ставит то утверждение «Критики чистого разума», что анализ познавательной способности человека ограничивает область познаваемого одним лишь феноменальным миром. Поскольку, продолжает Кареев, мы познаем только явления и управляющие ими законы, а не самую сущность вещей, то отсюда и изучение внешнего мира может быть феноменологическим, когда мы рассматриваем его явление и номологическим, когда мы исследуем законы этих явлений»³.

В данном случае мы имеем пример своеобразного дуализма, когда один и тот же процесс (естественный или общественный) изучается с двух принципиально различных точек зрения. Принцип деления наук на науки, изучающие индивидуальное, неповторимое, и науки, изучающие закономерное, формально идентичен с неокан-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 207.

² Там же, с. 202.

³ См.: Кареев Н. И. Наука о человечестве в настоящем и будущем. — «Знание», 1875, № 5, с. 10.

тианским делением наук Виндельбандом—Риккертом (появившимся, кстати, гораздо позже кареевского) на науки номотетические и идеографические. Однако отождествлять оба эти деления нельзя. Известно, что неокантианцы противопоставляли науки об обществе естественным наукам. Кареев же в своем делении исходил из того соображения, что явления как природы, так и общества существуют как причины и следствия, а потому изучаются одинаково. В этом отношении, утверждает Кареев, между науками «гуманными» и естественными нет различия¹. Но только в этом отношении, поскольку, продолжает социолог, изучение общества не может быть ограничено только его явлениями и законами. То или иное общество должно быть рассмотрено еще и с «субъективной точки зрения», ему должна быть дана определенная этическая оценка. Эта мысль является стержневым положением так называемого «субъективного метода в социологии», главными представителями которого были П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев. Сознательно или бессознательно, говорит Лавров, ученые рассматривают историю со своей, этической точки зрения². Социолог, утверждает Михайловский, изучающий общественные отношения, должен прямо сказать: я желаю осуществления таких-то и таких-то идеалов³. Кареев убежден, что история как теоретическое знание приобретает смысл в том случае, когда мы прилагаем к ее изучению свою этическую мерку⁴.

В истории философии, как известно, именно Кант первый принципиально отделил теоретический разум от практического, дополняя затем первый вторым. Необходимость такого дополнения заключалась у Канта в том, что если теоретический разум, лишенный собственного содержания, ограничивается познанием конечного, данного в опыте, то практический разум, наоборот, «приписывает воле способность определять самое себя всеобщим образом», то есть определенно указывает на то, что должно делать⁵.

О. Конт попытался по-своему реализовать это деление разума на теоретический и практический в своем «Курсе положительной политики», где выразил идею необходимости субъективной оценки общественных явлений. Принимая идею в целом, такие русские социологи-позитивисты как Лавров, Михайловский и Кареев, не приняли предложенную Контом этическую позицию, которую Кареев назвал «ложно направленным этическим отношением»⁶.

¹ См.: Кареев Н. И. Задачи социологии и теории истории. Соч. Т. 1, СПб., 1911, с. 33.

² См.: Лавров П. Л. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М., «Мысль», 1970, с. 42—43.

³ См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. СПб., 1909—1913, с. 406.

⁴ См.: Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб., 1897, с. 108.

⁵ См.: Гегель. Сочинения. Т. 1. М.—Л., 1929, с. 106—107.

⁶ Кареев Н. И. Основные направления в социологии. — в сб.: Что такое общественные науки. СПб., 1903, с. 23.

Дело заключается в том, что в своей классификации наук, где социология выводилась непосредственно из биологии, Конт давал возможность трактовать социальные явления по аналогии с биологическими. По мнению же упомянутых русских социологов, все внимание при изучении социальных явлений должно быть сосредоточено на проблеме личности и ее взаимоотношениях — точка зрения, которая, без сомнения, была порождена как реакция на деспотизм и произвол русского самодержавия.

У представителей «субъективной школы в социологии» запросы, потребности личности, ее духовный мир и психология являются основой основ общества, основные принципы которого могут быть одобрены или порицаемы опять-таки с точки зрения идеала развивающейся личности. Однако сторонникам «субъективного метода» ясна опасность, вытекающая из признания равнозначности всех субъективных идеалов, и они пытаются найти в самой идее субъективности критерий, помогающий как бы отделить истинный, «законный» субъективизм от всякого другого. Кареев полагает, что таким «законным» субъективизмом должна быть «точка зрения просто человеческого разума»¹.

Какой же должна быть «точка зрения просто человеческого разума»?

В этом существенном пункте на некоторых представителей «субъективного метода в социологии» решающее влияние оказал Кант своей идеей категорического императива, носящей у него характер всеобщности и необходимости. У Кареева, например, «категорический императив» был поставлен на уровень той сущности, которая дана нам непосредственно как этический долг и которую мы так безуспешно ищем в познании внешнего мира, открывающего нам только явления. «Но если сущность внешнего мира,— пишет он,— неразрешимая загадка, то в нас самих она чается как осознанный нами в себе закон, управляющий нравственными явлениями, как категорический императив долга... И здесь мы находим свою сущность, свой ноумен»².

Как и для Канта, для Кареева законы этики суть именно «осознанные законы», тогда как другие законы не даны нам непосредственно, но у Кареева, сверх того, этика становится еще и основой построения им философии истории. Для него историческая смена форм общественной жизни есть развитие этического идеала, который формируется совокупной деятельностью личностей³. С другой стороны, и рассмотрение истории как процесса невозможно, по мнению Кареева, без внесения в это рассмотрение идеальной цели, которую мы ставим заранее.

¹ Кареев Н. И. Основные вопросы философии, с. 112.

² Там же, с. 338.

³ См.: Кареев Н. И. Наука о человечестве в настоящем и будущем, с. 15.

Несмотря на очевидный субъективизм данной концепции, следует, по-видимому, учесть, что «этический идеал» Кареева под непосредственным влиянием Канта приобретает не сугубо личностный, а всеобщий характер, и потому все люди, полагает социолог, найдут в себе свое общее содержание — безусловное веление нравственного долга, который должен, во-первых, объединить людей, во-вторых, служить им программой практической деятельности, в-третьих, обусловить необходимость последней¹. Именно этой попыткой выразить содержательную сторону практической деятельности людей и примечательна данная точка зрения. Более того, один из выдающихся представителей марксистской мысли в Польше конца XIX — начала XX века Людвиг Крживицкий полагал, что «субъективный метод» — «это только недостаточно развитая формулировка великого начала... Субъективный метод — это понятие классового воззрения в зачаточном состоянии»².

Однако именно практическая беспомощность такого идеала, носящего априорный, а не обусловленный практикой общественной жизни характер, очевидна. Точку зрения чистого долженствования, которое в итоге является лишь выражением пресловутой кантовской «доброй воли», критиковал еще Гегель. «В этом долженствовании,— писал он, — всегда имеется бессилие, проявляющееся в том, что нечто признается правомным, и оно, в то же время, не может проложить себе дорогу...»³

Анализируя классовую суть практической философии Канта, выражающей отсталость и слабость немецкой буржуазии, Маркс и Энгельс писали: «...Бессильные немецкие бюргеры дошли только до «доброй воли»⁴. Эти слова в полной мере относятся и к этической концепции Н. И. Кареева как характерного представителя русской либеральной буржуазии.

¹ См.: Кареев Н. И. Наука о человечестве в настоящем и будущем, с. 16.

² Польский философ о Н. К. Михайловском.— «Русские ведомости», 1904, 1 марта.

³ Гегель. Сочинения. Т. I. М.—Л., 1929, с. 162.

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 182.